

МОСКОВСКАЯ осень ще-дра на культурные собы-тия. Неплохо бы загля-нуть в галерею "Артефакт", что на Пречистенке, и посетить экс-позицию "Константин Коровин и Московская художественная школа. Шедевры из частных собраний". Залы — стильный хайтек, где всё скроено из пря-мых углов, приглушённый свет и яркие панели. Галерея оформ-лена со вкусом — тут всё для посетителя. Выставка, обра-щённая к Коровину и его това-рищам, интересна ещё и тем, что большинство работ экс-понируются либо нечасто, либо впервые.

Основная цель проекта — явить направления русской жи-вописи 1880–1910-х годов: от академизма к импрессионизму и модерну (ар-нуво), от реализ-ма к авангарду, от традиции к бунту и кичу. Мастера учились гладким линиям, оттачивая по-черки в бесконечных студиях, однако дух под названием impression овладел ими, словно бурная весенняя любовь. Кста-ти, наш импрессионизм бойче, нежели западный. Там, в Пари-же, художник останавливал мгновение — и Оперный проезд Камиля Писсарро как бы зами-рал в предощущении, тогда как русский импрессионист творил динамику момента.

Уже афиша даёт нам понять, что основное внимание будет обращено к Константину Кору-вину и его дивным соцетвям и созвучьям. Он видел мир ин-тенсивным, сочным, густым. "Брёвна от земли шли в жёлтых, оранжевых рефлексах. Цвета горели невероятной силой, почти белые. Под крышей, в крыль-це, были тени красноватые с ультрамарином. И зелёные тра-ва на земле горели так, что не знал, чем их вязать", — писал он в своих мемуарах.

Коровин — примечательная личность: потомок известных негоциантов (дед — купец I гильдии, а вот отец объявил себя банкротом), москвич с Таганки, о которой Алексей Писемский говорил, что "она (Таганка. — Авт.) зашибла и тут себе копейку и теперь комфор-табельнейшим образом разъез-жает в вагонах первого класса и поздравляет своих знакомых по телеграфу со всяким вздором". Коровин — русский патриот и заведсгдатай монмартрских за-веденый. Обожа!л привлека-тельных женщин, розы, Крым, "Мулен Руж", театр. Громогла-сен и щедр, но интеллигентен и раним. Крупен телом, но с длинными, нервными паль-цами. Он — ученик и учитель знаковых мастеров. Среди его менторов были Василий Поле-нов и Алексей Саврасов. Его питомцы — Сергей Судейкин, Роберт Фальк, Борис Иогансон. Полотна Коровина — это широкие жесты и мощная пали-

тра. Ухарский дух купчины плюс полноевоес ощущение бытия. "Когда появились на Передвиж-ных выставках первые картины Коровина, все у нас были ещё так далеки от требований чисто живописных красочных впечат-лений, что публика мучительно ломала себе голову, добиваясь разгадать "дикие" намерения художника. Картины Коровина, в которых художник добивался одного только красивого красоч-ного пятна, естественно, долж-ны были смутить многих", — пи-сал Александр Бенуа.

Нежны, дерзки и чарующи букеты роз — их Коровин писал гораздо чаще, нежели другие цветы. "Розы в терракотовой вазе", "Розы. Гурзуф", "Натюр-морт с розами, вазой и фрук-тами" — переливы оттенков от бедности к яростному кипению, свежесть лепестков, магия бутон-ов. Кажется, что от самих по-лотен веет терпко-сладостным ароматом.

Какой же русский не востор-гается Яблочным Спасом — тёплые дни на исходе лета, насыщенный воздух, золото

КОРОВИН И ДРУГИЕ

О выставке в галерее «Артефакт»

дня? Коровинский "Яблочный Спас" — торжество жёлтого цвета, который буквально за-полняет пространство картины. Пахнет нагретыми яблоками. Тишина и нега. Коровин писал и портреты — как прекрасны дамы в длинных, струящихся платьях. "Ноктюрн" — тут мы видим некую женщину, позиру-ющую на фоне тёмного окна. Горят свечи, таинственная пол-умгла, косые тени — Коровин умел быть романтиком.

Особое место отведено па-рижскому циклу художника. По-пав в этот шумный и жестоко-притягательный город, Коровин был очарован и слегка напуган. Тогдашняя столица Франции — это и парадиз, и клоака одно-временно. Изящные искусства соседствовали с грубо-урод-ливым развратом, а шальные деньги — с кромешной нищетой. Калейдоскоп лиц, рядовод, имён и вывесок! Разумеется, взволно-вали обитатели Монмартра.

Не страдая косноязычием, он тем не менее поведал о сво-ём впечатлении с запинками да заминками: "Так вот они, фран-цузы. Светлые краски, вот это так... Много и такого, что и у нас, но что-то есть ещё и совсем другое. Импрессионисты — у них нашёл я всё то самое, за что так ругали меня дома, в Москве". Выстраивается вывод: Коровин стал импрессионистом ещё до того, как познакомился с

творениями своих французских коллег, а потому имеет смысл говорить о самостоятельном, а не заимствованном явлении.

Художник жадно впитывал всё, что видел — на его картинах мы наблюдаем и центральные проезды, и достопримечатель-ности, и кафе. Огни и толпы, жаждающие развлечений, — та-ков коровинский Париж. Писал по преимуществу ночью или поздним вечером — как раз в то время, когда шли представ-ления в знаменитых варьете, а по улицам шныряли вороватые клошары. Впрочем, они худо-жников не трогали, принимая как "своих". Звенела музыка, раз-давались крики, цокали каблук-ками смешливые кокотки. Кипя-щий котёл, в котором так легко свариться. Париж — оборужи-телен, а Коровина всё равно тя-нуло в Москву, и как жаль, что он покинет Россию в начале 1920-х годов.

Экспозиция широка и ориги-нальна. Представлен не только Константин Коровин, но и те, кто были с ним связаны. Исаак Ле-витан — один из лучших друзей,

соученик, собрат. "С запасом колбасы и хлеба мы частенько уходили с Левитаном в предме-стья Москвы, по дороге писали маленькие этюды с натуры и пили чай в деревенских тракти-рах Ростокина, Воробьёвых гор, Сокольников, Петровско-Раз-умовского. Сердца наши полны были безмерным очарованием юности. Особенно нравились нам сумерки, час предвечер-ний, когда зажигались огни в до-мах", — ностальгировал Кору-вин в мемуарных записях.

Левитан — уникальный ма-стер, единственный в своём роде. Ему удалось то, что каза-лось невозможным: отпрыск на-божного еврейского семейства, Исаак Ильич сумел вырваться из местечковых тенёт и сде-латься одним из пленительней-ших выразителей русского духа (вот Марк Шагал так и не смог одолеть притяжение шtetла). Соревноваться с Левитаном бессмысленно, ибо его художе-ственная поэтика гениальна. Он жил трудно и гордо, получая не-заслуженные плевки. Коллеги его уважали за трудолюбие и скромность. Критики то превоз-носили, то набрасывались. Ле-витан всё пропускал через своё сердце. Как все пылкие, утон-чённые люди, он быстро сгорел, не дожив и до сорока лет. "Ле-витан — художник русский, но не в том, что он из каких-либо патриотических принципов пи-

сал русские мотивы, а в том, что он понимал тайную пре-лесть русской природы, тайный её смысл, понимал только это, зато так, как никто", — отметил Александр Бенуа, далеко не всегда превозносящий собра-тьев-художников.

В экспозиции представлен целый ряд левитановских пей-зажей: "Волга. Тихий день", "Восход луны. Деревня", бес-конечные поля и перелески, высокое небо, дороги, ведущие в бесконечность. Широка ты, Русь! Неожиданностью будет его натюрморт "Астры" — вол-шебно-капризные цветы в ма-ленькой вазе. Левитан был не-превзойдённым колористом и знал все возможности красок, оттенков, нюансов.

А тут — работы Алексея Саврасова, который учил и Ко-ровина, и Левитана. "Придёт к нам в мастерскую и говорит: "Ступайте писать — ведь ве-сна, уж лужи, воробыи чирика-ют — хорошо. Ступайте писать, пишите этюды, изучайте, глав-ное — чувствуйте". Кругом сто-им мы и ждём, что скажет нам

этот милый, самый дорогой наш человек. А Саврасов говорит, что даль уже синее, на дубах кора высохла, что писать нуж-но, только почувствовать", — с нежностью вспоминал Коровин этого костлявого, но сильного и, увы, тяжело пьющего мэтра.

Саврасов представлен кар-тиной "Пикник", а это была остромодная тема 1870–1890-х годов — чуть ли не каждый ев-ропейский мастер, особенно в Парижах, спешил запечатлеть вылазку молодёжи в сельскую, лесную местность. Урбаниза-ция, рост промышленности, дымы и гулы — это делало го-родское бытие малоприятным, оттого-то стали популярными пикники с прогулками и флир-том. Саврасов смещает акцент на деревья, небо и серпик луны, а люди поданы схематично — они в глубине композиции.

Василий Поленов — ещё один преподаватель Константи-на Коровина. "Перед оконча-нием московского Училища живо-писи и ваяния мы, пейзажисты, узнали, что к нам вступит про-фессором в училище Поленов. На передвижной выставке был его пейзаж: жёлтый песочный бугор, отражённый в воде реки в солнечный день летом. Как-ие свежие, радостные краски и солнце! Густая живопись. Я и Левитан были поражены этой картиной. Я тоже видел синие тени, но боялся их брать, — все

«Розы. Гурзуф. 1917». Художник Константин Коровин

находили: слишком ярко. Я и Левитан с нетерпением ждали появления в школе Поленова. Натурный класс, ученики все в сборе. Он пришёл. В лице его и манерах, во всём облике было что-то общее с Тургене-вым..." — так описывал Кору-вин первые встречи с этим гуру пейзажа.

Именно Поленов заметил импрессионистские нотки в уче-нических работах молодого Ко-ровина: "— Вы импрессионист? Вы знаете их? — Нет, — ответил я. — Не знаю ни одного." Поле-нов был в недоумении..." Среди экспонатов — ряд небольших картин Поленова. Это, скорее, эскизы, причём самым главным тут является игра цвета, напри-мер, "Ручей" — это восприятие различных оттенков зелёного.

На выставке много картин соучеников, приятелей, знако-мых Константина Коровина. С некоторыми, как с Николаем Богдановым-Бельским, он пере-секался в поленовских клас-сах. С кем-то бывал в одной компании или же участвовал в общих проектах. У Поленова также проходил учёбу и Сергей Виноградов. Один из хитов экс-позиции — его картина "Вид на Кремль из Замоскворечья". Уми-ротворённость, не свойственная Москве 1918 года, женщина в изумрудно-зелёном платье, ваза цветов — это изящная попытка эскапизма.

Всегда радуют вещицы Ста-нислава Жуковского — милей-шего "певца" русских усадеб. Он тоже из поленовских сту-диозов, а потом ещё и брал уроки у Левитана. А вот Васи-лий Рождественский — это уже ученик самого Коровина. Сын священника, во многом самоуч-ка, Рождественский проучился всего четыре года в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, а затем был изгнан за участие в революционных выступлениях. Его круг — Илья Машков, Пётр Кончаловский, Аристарх Лентулов, то есть весь цвет русского авангарда. Среди экспонатов — натюрморты и пейзажи Василия Рождествен-ского, стиль которых определить весьма непросто. Это и зачатки кубизма, когда мир звонко рас-калывается на геометрические фрагменты, и что-то от импрес-сионизма и фовизма, как будто автор искал точку сборки.

Константин Коровин воспи-тал не похожих друг на друга учеников — ни один из них так и не стал его прямым последо-вателем. Все отмечали, что он преподавал не своё видение, а науку изобразительности, по-зволяя находить личную стезю. Сам-то Коровин брал у препода-вателей то, что почитал для себя нужным, был дерзок — за это мы его и любим.

Галина ИВАНКИНА

КАЖДОМУ ИЗ НАС, наверное, знако-мы и памятны эти простые, по-детски бесхитростные и радостные строки — начало стихотворения Алексея Николае-вича Плещеева "Сельская песня":

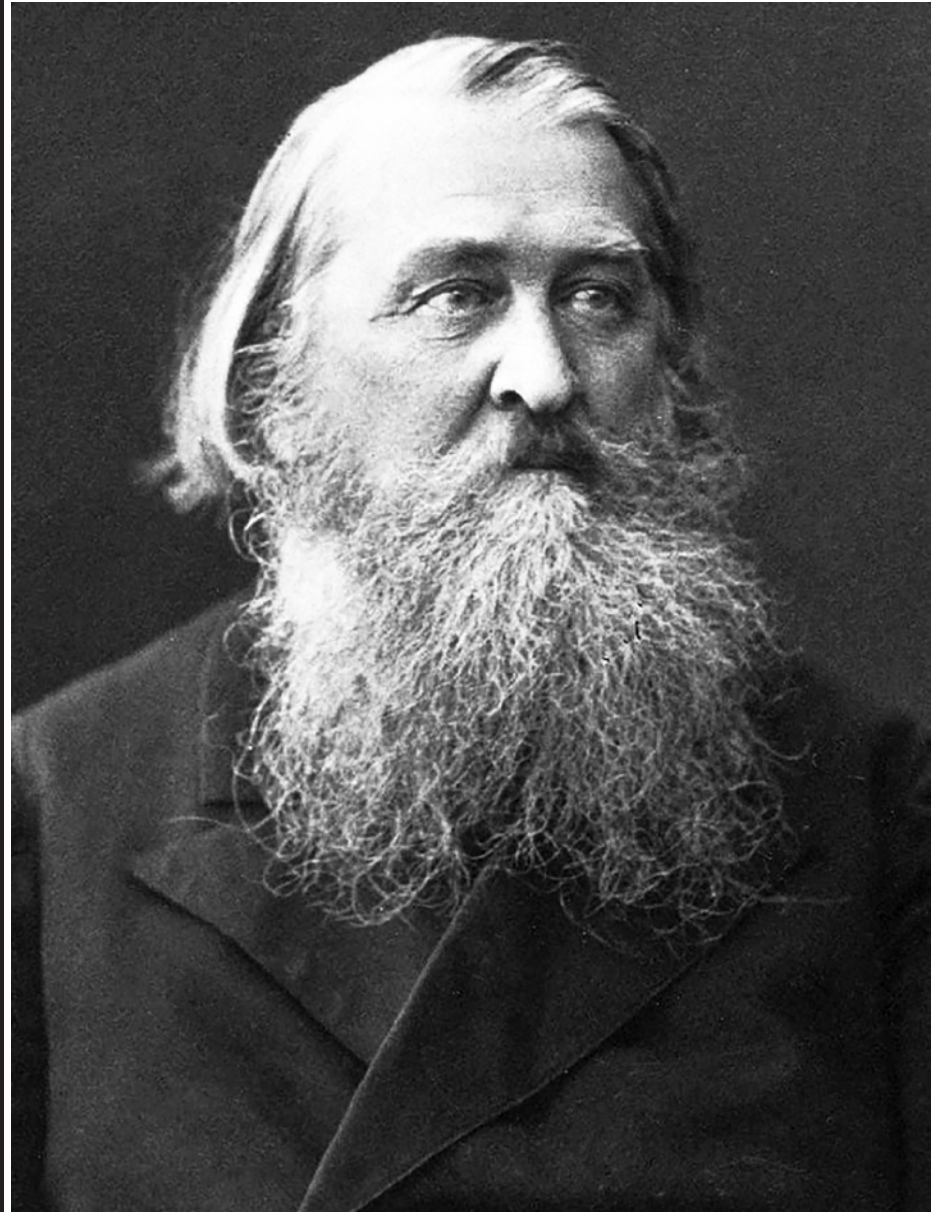
*Травка зеленеет,
Солнышко блестит;
Ласточка с весною
В сени к нам летит...*

Несмотря на то, что автором этих строк является польский поэт Стефан Витвиц-кий, им было суждено стать частью рус-ского "культурного кода", где "травка", "солнышко" и "ласточка" — явления одно-го ряда, прекрасные атрибуты окружаю-щего нас мира, в отношении которых все "мы" на русском языке выражаем — по-любовному, по-родственному — своё ласточно-уменьшительное отношение. В

Предчувствовал ли звучание и вкус этих своих будущих строк молодой поэт, уже признанный почитателями в качестве "наследника Лермонтова", в морозное декабрьское утро 1849 года, когда он стоял на Семёновском плацу в Петербурге, ожидая расстрела в числе других приговорённых к смертной казни петрашевцев, — казни, по указу императора Николая I всемилостви-вейше заменённой менее тяжкими нака-заниями: для Плещеева — лишением всех прав с четырьмя годами каторжных работ,

ПЕСНЬ ПЛЕЩЕЕВА

К 200-летию русского поэта

*Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!..*

*По чувствам братья мы с тобой,
Мы в искупленья верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной...*

*О, к чему, к чему роптанье!
Искупленья близок час.
Дух лукавый отрицанья
Да отыдет прочь от вас!*

Или внутреннее состояние Плеще-ева (воспетое им искупление?) было иным, наподобие описанного в романе "Идиот" его близким другом Фёдором Михайловичем Достоевским, стоявшим тогда на Семёновском плацу рядом с ним и с другими приговорёнными: "Что, если бы не умирать! Что, если бы во-ротить жизнь, — какая бесконечность! И всё это было бы моё! Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил, ничего бы не потерял, каждую бы ми-нуту счётном отсчитывал, уж ничего бы даром не истратил!?" А ведь именно Плещееву изначально посвятил Досто-евский свою вышедшую в конце 1848 года повесть "Белые ночи", в послед-нее время ставшую "хитом" среди со-временной западной молодёжи: многие черты поэта послужили созданию обра-за главного героя повести, Мечтателя, представляющего себя как "смешной человек" (аналогичную характеристи-ку Достоевский почти через тридцать лет использовал и в рассказе "Сон смешного человека"). Собственных воспоминаний Алексея Николаевича по поводу той отменённой казни найти не удалось, но во всяком случае они с Фёдором Михайловичем — люди одно-го поколения, воспитания и круга, явно были близки не только мыслями, но и чувствами, — так что нечто похожее Плещеев вполне мог переживать. Но, конечно, как гласит английская посло-вица: "Даже когда два человека говорят одно и то же — это не одно и то же", — хотя слова куда более определённые, чем переживания и чувства.

У каждого из двух людей, впослед-ствии причисленных по трудам своим к ряду классиков отечественной литера-туры (Достоевский — к первому, Пле-щеев — условно ко второму-третьему), путь внутренней и творческой эволю-ции "после Семёновского плаца" труд-но признать совпадающим или хотя бы идущим в одном направлении: Фёдор Михайлович, как известно, мучительно и в художественном отношении гени-ально переосмысливал социалистиче-ские убеждения своей юности, Алексей Николаевич же всю жизнь продолжал оставаться на позициях усвоенного им в молодости "гуманического космополи-тизма", как ещё в 1840-х годах обозначил утопический социализм рано погибший литературный критик В.Н. Майков. "Во многом, конечно, пришлось разоча-ро-

ваться потом, но многому мы остались верны", — уже в 1888 году признавался Плещеев в письме А.П. Чехову.

Годы насильственной "солдатчины" (а рядовые тогда были обязаны нести свою службу четверть века) — правда, без предшествующей каторги, как у Досто-евского, — с её тяготами, усиленными отношением "отцов-командиров" к под-вергнутому гражданской казни бывшему потомственному дворянину, стали вре-менем знакомства Плещеева с творче-ством польских (благодаря Сигизмунду Сераковскому, впоследствии одному из вождей Польского восстания 1863 года, а тогда отбывавшему ссылку солдатом в том же Оренбургском линейном кор-пусе) и украинских (прежде всего Тара-са Шевченко, сосланного служить туда же) поэтов. За храбрость, проявленную в ходе штурма кокандской крепости Ак-Мечеть (впоследствии Перовск, ныне Кызылорда, Казахстан), Плещеев был произведён в унтер-офицеры, затем в прапорщики, а по высочайшему указу императора Александра II от 17 апреля 1857 года права дворянства были воз-вращены как декабристам, так и петра-шевцам. В мае 1858-го оренбургская ссылка Плещеева закончилась, и он с супругой Еликоной Александровны (урождённой Рудневой) выехал нача-ла в Петербург, а затем в Москву, где под усиленным, но негласным надзором полиции возобновил занятия литера-турной деятельностью: много постоян-ного источника доходов у него попросту не нашлось. Пусть он в оренбургских степях под ружьём "отвык писать", но репутация "поэта-борца", к тому же с честью прошедшего через гонения, и художественный талант были при нём. Правда, и времена по сравнению с эпо-хой Николая I наступили уже другие, и Алексей Николаевич получил легаль-ную возможность через печатное слово "бить крепостников (прячущихся, — Авт.) под маскою либералов", чем он с види-мым удовольствием (существуют свиде-тельства современников о его участии в организации "Земля и воля", а также в организации нелегальной типографии), но без видимого улучшения своего мате-риального благосостояния и занимался в компании с Н.Г. Чернышевским, Н.А. Добролюбовым, Н.А. Некрасовым, М.Л. Михайловым и другими представителя-ми прогрессивного лагеря пореформен-ной Российской империи — всё согласно описанному в переведённом Плещее-вым стихотворении Гейне:

*И смех, и песни! И солнца блеск!
Челнок наш лёгкий качают волны;
Я в нём с друзьями, веселья полный,
Плыву бесечно...*
Вдруг слышен треск.

*И разлетелся в куски челнок —
Друзья плывцами плохими были,
Родные волны их поглотили,
Меня же далёко умчал поток...*

*Друзья уные теперь со мной!
И снова песни! Но вуют бури,
И гаснут звёзды в ночной лазури...
Прости навеки, мой край родной!*

Впрочем, полицейским преследовани-ям и арестам Плещеев все эти годы не подвергался, разве что обыскам и допро-

сам (например, по делу Чернышевского), и его репутация, особенно общественно-политическая, оставалась незапятнанной как для властей, так и для общества. Это-му сильно способствовала его активность как сотрудника и руководителя многих пе-риодических изданий, а также обществен-ного деятеля: в частности, он избирался старейшиной московского Артистического кружка, и двери его скромного жилища всегда были открыты для представителей творческих кругов. Хотя уже в годы осво-бождения частью новых друзей-крестьян Плещеев, усиленно "пахавший" на куль-турной ниве и как поэт, и как прозаик, и как драматург, и как переводчик, и как журна-лист, и как просветитель, воспринимался немногим старомодным, и с каждым годом эта часть становилась всё шире, а сам Плещеев — всё старомоднее и старомод-нее, пока к концу 1880-х годов не превра-тился из "неисправимого идеалиста 40-х годов" в живую легенду русской литерату-ры, олицетворявшую в ней непрерывную "связь времён". Число людей, которым он словом и делом оказывал помощь и под-держку в течение своей жизни, огромно: от Ивана Сурикова до Антона Чехова.

*Когда, толпясь вокруг меня,
Кипит младое поколение,
Иного, радостного дня
Рассвет я вижу в отдаленье
И говорю с восторгом я:
"Бог помочь, братья и друзья!"*

Эти строки Алексей Николаевич на-писал в 1862 году. А после 1890 года, по-лучив огромное наследство от дальнего родственника и переехав в обожаемую им Францию, в Париж, он потратил значитель-ную часть свалившегося на него богатства в пользу русских писателей, литературы и культуры. После кончины Плещеева его тело было перевезено в Россию, и, несмот-ря на запрет властей, похороны поэта в Москве на территории Новодевичьего мо-настыря стали заметным общественным событием для того времени. Впрочем, его стихи и созданные на них разными компо-зителями романсы стали бесспорным до-стооянием русской культуры и в этом каче-стве живут и поныне.

Когда Владимир Маяковский в стихо-творении, написанном на смерть Сергея Есенина, провозглашал:

*"Ваше имя в платочки рассоплено,
ваше слово сплюнута Соборно
и выводит под березкой дохлой —
"Ни слова, о дру-г мой,
ни вздо-о-о-о-ха", — он вовсе не оши-б-ся, как бы приписывая Есенину авторство плещеевского стихотворения "Молчание",*

музыку к которому написал П.И. Чайков-ский. Он просто воевал против тех куль-турных традиций, которые считал устаревшими и достойными только того, чтобы "сбросить их с парохода современности". Что ж, права на подобное отрицание в ис-кусстве никого лишать нельзя. Как и права на отрицание отрицания, на возвращение и утверждение вечных, высших ценностей, с солнышком, травкой и ласточкой.

*Что ж ты рано в гости,
Осень, к нам пришла?
Ещё сердце просит
Света и тепла.*

Георгий СУДОВЦЕВ